

О ЕДИНСТВЕ СУБСТАНЦИИ И ОБЩНОСТИ ПУТИ

В статье сделана попытка сформулировать единый взгляд на онтологию вечного вопроса о месте и роли человека в становящемся бытии. Достижения естественных наук способствуют сближению взглядов различных школ на данный вопрос. В статье рассматриваются отношения душевных явлений и разума, подчеркивается возрастающее значение разума в процессе формирования человека социального из человека разумного.

Ключевые слова: субстанция, становление, эволюция, знание, чувственное, душевное, мыслимое, человек, разумный, социальный.

The paper attempts to formulate a unified view of the ontology of the eternal question of the place and role of human beings in becoming existence. Achievements of science contribute to a convergence of views of different schools of the question. The article examines the relationship of psychic phenomena and mind, highlights the increasing importance of the mind in the formation of human social Homo sapiens.

Keywords: substance, formation, evolution, knowledge, sensory, emotional, conceivable, man, sensible and social.

Европеец: – У человека нет выбора, он должен остаться человеком.

Индиец: – У человека нет выбора, он должен стать человеком.

Из беседы Востока с Западом

Великие творцы Упанишад, достопочтенный М. ибн Араби и очарованный гармонией бытия Б. Спиноза независимо друг от друга признали единство субстанции как принцип существования бытия. Ее разнородность не столько разделяла ее элементы, сколько способствовала объединению разных «монад» и воспроизводству новых и более содержательных соединений и сплавов, сил и явлений, которые независимо от их сложности также называются субстанцией или материей. В частности, и человек есть пример субстанции.

Мысль о единстве субстанции означает не только ее единичность и множественность. (Не стоит в небольшой статье вспоми-

* ШИХИЕВ Шукур Бабаевич – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информатики Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала, Россия (e-mail: sh_sh_b@mail.ru).

SHIHIEV Shukur B. – Ph.D Candidate (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Informatics of Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala, Russia (e-mail: sh_sh_b@mail.ru).

нать перипетии споров Парменида с афинянами по поводу этих категорий). Субстанция едина и самодостаточна своей способностью взаимодействия всех ее сил, элементов и конструкций. Эту мысль следует пояснить на примере.

Сегодня трудно найти человека, не знакомого с цифровой техникой. Все, что мы видим на экране монитора и слышим из динамика, все наши команды компьютеру и его реакция и ответы, – все это есть проявления одной единственной субстанции – электрической энергии, обузданной, разумеется, другой субстанцией, в данном случае твердыми материалами, способными хранить и перемещать ее из одного места в другое. Одна сила не может творить, должна быть вторая, способная сопротивляться первой. В таком взаимодействии друг с другом они смогут сотворить нечто новое и сложное. А какие чудеса творит сила электрической энергии благодаря этой кооперации!

Ветви дерева едины общим стволом. Единство субстанции в нашем примере означает то, что при дальнейшем дроблении и расчленении электрической энергии и материала, хранящего и проводящего ее, обнаружится в них немало общих и родственных элементов. Как же иначе? Их взаимодействие означает их родство. Далее этот принцип обобщается: если продолжить процесс деления и идентификации материи, то можно прийти до той самой тонкой энергии, первопричины, Абсолюта, монад и т.д., которые под разными именами означают одно и то же множество первичных сил, способных к самореализации в форме становящегося бытия.

Единство субстанции предполагает использовать аналогии как индуктивный метод обобщения и обоснования явлений бытия. Например, обнаружить в соляной воде субстанциональную связь между солью и водой.

Субстанция в своем становлении достигла такого уровня самоорганизации, что она, в нарушение второго закона термодинамики о возрастании энтропии (беспорядка) в мироздании, превратилась в уникальную структуру в виде живой клетки, способной осуществлять физико-химические преобразования атомов и молекул, совершать различные механические движения, поддержать свое существование и воспроизвести себе подобные объекты. Весь этот театр становящегося бытия, поставленный эволюцией, остался бы без зрителей, если бы в клетке не были реализованы уникальные возможности субстанции ощущать свое состояние, запоминать его и воспроизводить. Так получилось, что в каждом человеке идет одна и та же постанов-

ка с единственным зрителем – сознанием самого человека. Никто иной не может на нее взглянуть.

Ложное представление человека о том, что он, точнее, клетки его тела (рецепторы) ощущают внешние предметы, основано на том, что причиной появления ощущений являются те самые предметы внешнего мира. Внешняя сила приносит изменения в рецепторы или в ощущающую субстанцию, отклоняя некоторые ее атомы и молекулы от равновесного состояния. Это отклонение собственного состояния от обычного и ощущается в самой субстанцией. Нечто подобное имеет место, если медный стержень греть с одного конца. В середине стержня встречаются разные значения тепловой энергии. Взаимодействие тепла и холода в молекулах живой клетки провоцирует ощущение разности температур.

Ощущения приукрасили жизнь клетки и ничего более. Но их ожидало бурное будущее благодаря другой субстанции – памяти, в которой значение ощущения может сохраниться. Например, в памяти могут сохраниться различные значения (сладость, горечь и т.д.) ощущение вкуса. При повторном ощущении вкуса, например, кислого, он вступает в контакт с кислым в списке хранимых в памяти значений вкуса. Это явление также ощущается уже третьей субстанцией, и оно известно нам, как распознавание или узнавание. Узнавание – это оживление ощущений определенной области памяти. Ощущение, вызванное узнаванием, есть знание.

Приведенное выше конструктивное описание ощущения, памяти и знания можно реализовать в виде аналитической машины и обосновать экспериментально многие положения психологии.

Далее, качества предмета, раздельно вступившие в соответствующие органы чувств человека (перцепция), обратно объединяются, то есть, осуществляется апперцепция. Кант полагал, что апперцепция разных качеств (ощущений) становится возможной по причине одновременности этих ощущений. Ощущение протекает на уровне тонких энергий, которые меняются и проявляются дискретными порциями, квантами. Кванты ощущения фиксируются субстанцией времени, как последовательность однородных импульсов, разделенных паузой. Самое простое по содержанию ощущение: после паузы – квант, после кванта – пауза. Оно и есть ощущение времени. Оно и образует стержень любого ощущения. Иные ощущения отличаются от ощущения времени тем, что в них кванты окрашены в качества, например, красный, синий, сладкий и т.д.

Поэтому каждое из двух ощущений, например, рык льва или движение его челюстей, имеют нечто общее – ощущения времени. В субстанции времени они пересекаются, два ощущения – движение челюстей и рык льва – соединяются, образуя представление из двух ощущений. Таким образом, если лев открывает пасть и издает звук одновременно, то эти два ощущения накладываются друг на друга в субстанции времени. То есть, на оси времени они встречаются, и данное явление может стать основанием апперцепции этих двух качеств. Кант писал о природе времени и его роли в апперцепции еще тогда, когда не было квантовой механики.

Аналогично при движении части тела, например, руки по поверхности тела неоднородные «кванты» осязания участвуют в формировании не только ощущения времени, они сопровождают движение моторных клеток, становясь для них ощутимой единицей измерения. Ощущение механических движений клеток фиксируется в субстанции восприятия протяженности в пространстве.

Аналогично присутствие в каждом ощущении специфической субстанции или признака со значениями приятное и неприятное могло стать причиной формирования памяти, воспроизводящей явления желаемое и нежелаемое, то есть, явления души.

Приведенное выше толкование известных категорий должно укрепить нашу веру в то, что синтетические знания, объявленные Кантом врожденными, настолько априорны, насколько мы способны понять их источник и механизмы становления.

Подобные споры о единстве и различиях между терминами и учениями имеют место в философии и сейчас. Философствовать значит мыслить, строить или сочинять знания, используя язык. Когда знание активизируется и становится элементом сознания, оно называется мыслью. Осознать – значит ощущать. В органах чувств сосредоточены не все ощущения, которые доступны сознанию. Мы ощущаем не только голод и жажду, но желания и страхи, мечты и свои представления.

Следовательно, мысль есть знание в реальном времени. Как сознаваемое явление, мысль должна ощущаться сознанием. И ощущение, по определению, есть знание и мысль. А знание, выраженное словом, мыслится словом, то есть, ощущение звучания и графики данного имени становится суррогатом того ощущения, которое было вызвано чувственным знанием, обозначенным этим именем. Ощущение знания представляет со-

бой его обоснование и истинность. Ясность ощущения знания есть ясность соответствующей мысли.

Знание можно представить себе таким образом. Например, читая слово «дом», мы в первую очередь четко ощущаем зрительно три символа, образующие это слово, и только потом, возможно, но более туманно, образ какого-то дома и некоторые ощущения, связанные с этим домом. Таким образом, мысль для нас есть сочетание двух различных ощущений: ощущение слова и ощущение образа.

Соотношением образа и слова в мысли определяется источник, форма и способ обоснования очевидности или истинности знания. Даже великие мыслители отличались друг от друга тем, что для них являлось более весомым основанием для признания истинности знания – само явление и его образ в памяти или имя явления и, связанная с ним воображаемая идея. В зависимости от этого ясность мысли опиралась на ощущения: частично самой мысли, частично ее имени. В первом случае их называли сенсуалистами и материалистами, а во втором случае – рационалистами и идеалистами. Поэтому, взгляды на основание истины, полученные философом от природы, – как цвет волос и форма носа, не следует считать его личной ошибкой и заблуждением по неосмотрительности. В принципе, нет никакого заблуждения, ибо выбор источника веры в достоверность знания зависит от нашего понимания природы знания. Каждый из нас пользуется обоими способами. Когда ищут черного кота в темной комнате, мы предпочитаем верить в ощущения; когда ищут сумму двух шестизначных чисел, мы верим абстракциям. И все они верны, ибо воспринимаемый предмет одновременно находится на различных уровнях восприятия и в форме различных знаний.

И. Кант в «Критике чистого разума» указывал пять уровней представления знания от чувственного до трансцендентного [1]. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Для Локка, Беркли и Юма центр тяжести знания лежал ближе к чувственному миру, а для Декарта, Спинозы и Лейбница чувственность из содержания знания давно исчезла, и оно состоит из абстрактной идеи.

Следует отметить достижение европейской мысли XX века в лице феноменологии, которая выступила в поддержку права абстрактных идей на частную жизнь в пределах индивидуального сознания.

В истории и культуре различных народов можно наблюдать различия в восприятии этносом чувственного знания и образов.

Абстрактные понятия европейской метафизики в индийской философии употребляются как собственные имена, ибо для них еще «слово было Богом», а народу Индии душевные явления были более интересны, нежели тело, лишённое души. Поэтому оно у них и сжигалось для утилизации. Принцип единства субстанции в индийской философии отождествляет Бога с человеком. И человек стремится стать богом, а не находиться вечно на его иждивении.

Иное отношение к телу и материи вообще было у египтян, в сознании которых чувственное знание имел более высокий рейтинг, нежели душевные переживания. История древних греков указывает на то, что образы внешних предметов и явлений, то есть мысль, занимала в их сознании активные позиции. Три различные информационные системы внутреннего мира человека или три формы знания – чувственное, душевное и образное – в разной степени проявляют себя в сознании разных людей. Эта особенность человека может передаваться по наследству, распространяться и стать характерной чертой целого народа.

Известно, что в разные периоды жизни человек может оказаться во власти душевных страстей и предаваться чувственным удовольствиям или проявить благоразумие, раскаяться за прошлые грехи и держать душу под присмотром разума. Из такого психологического типа вырастает праведник или пророк.

Одно из опасных заблуждений современной психологии заключается в том, что в ней полномочия трех форм знания – чувственного, душевного и образного – должным образом не разграничены, иерархические отношения между ними не выделены, переплетения души и рассудка не замечаются. Игнорирование особенностей формирования различных форм знания вводит в заблуждение, а когда искаженное знание определяет житейское поведение человека, оно наносит огромный вред в первую очередь его психике.

Остановимся на одном из правил формирования знания. Есть такая поговорка: если человека, всю жизнь строящего дома и мосты, однажды обнаружат за дурным делом, то строителем его называть не будут. Или для плотника топор есть инструмент с острым лезвием, а для доярки топор – просто железка с деревянной ручкой. «Неухоженный» топор воспринимается плотником как недоразумение, и он не изменит образ топора в его сознании. Аналогично, доярка будет приятно удивлена, отрубая ветку сирени топором плотника, но, оставаясь при своем мнении о топоре.

Для плотника топор хорош как инструмент для выполнения определенного вида работы. Для доярки он хорош как тя-

желый предмет, чтобы забивать кол на поле. Для музея топор интересен своей историей. Для коллекционера драгоценностей его золотой топор важен стоимостью.

Нужно заметить то, что разные правила были использованы при формировании образов топора и человека (строителя). Ибо в образе топора нас объективно интересует его острота, а к образу человека большинство людей нацелены «прикрепить» качества по целесообразности. Единичный, но впечатляющий факт, может стать основным значением качества. Мы так устроены, что пользуемся этим правилом, когда формируем свой личный образ. Основанием для использования различных правил служит наше желание быть лучше других.

Если человек хочет быть о себе хорошего мнения, то он найдет и исполнит пару добрых деяний в пять лет один раз, и это станет для него достаточным основанием его добродетельности на все времена. Или же пир, устроенный «главой» для администрации, говорит о его щедрости, а разворованный бюджет и обескровленное население – признак смелости и управленческого дара.

Иначе говоря, из актов собственного поведения или из мира чувственного знания отбираются некоторые для формирования знания следующего уровня – общего мнения о себе. Мнения о себе должно быть хорошее, по этой установке делается выбор фактов из деяний. Так мы строим свой мир.

Добрая душа приписывает собственный характер и миропонимание всем живущим на земле людям. Злая душа найдет основания видеть злодея в других. После подобных искажений, которым рассудок подверг свои представления, можно не удивляться тем ужасам, которые случаются между людьми в реальности.

По нашему мнению, еще не сделан тот решающий шаг в понимании структуры и механизмов формирования и функционирования той информационной системы, которая определяет ценности конкретного человека, следовательно, и поведение его. Только некоторые из гениальных писателей в своих произведениях деликатностью художественного слова затрагивают эти проблемы, ибо они касаются интимных сторон жизни человека. Под деликатной пленкой интима находится пласт неприличия и бугры безобразия. Сколько лицемерия и сколько предубежденности в помыслах и поведении человека, прикрывающего свое тело и душу от взора посторонних? Тело прикрывает человек от взора посторонних, несмотря на знание анатомии всеми нами. Душу свою прячет человек от собственного

умозрения. Он желает оставаться в неведении по отношению к своему животному миру. Он знает немало о животной природе других людей и признает недостойными многие страсти души. Дьявольские качества человеческой души стали помехой для жизнеспособности не самого человека, а социума. То есть, для социума стало вредным то качество, которое было полезным для тех объектов, из которых состоит сам социум.

В самом человеке оказалась и иная сила, притягивающая людей друг к другу. Социум стал той средой, в которой столкнулись две противоположные силы любви и ненависти человека к человеку. Согласно закону триады Гегеля где-то должна была быть третья сила, синтезирующая первые две. Сегодня нет сомнения в том, ею является разум. Сочетание ненависти и ума стало причиной катастроф в социуме. Этот союз помог сапиенс уничтожить более дружелюбных неандертальцев. Союз животной страсти с воинствующим рассудком, который называется безрассудством, стал терзать социум, а точнее говоря, другую половину души человека, которая желала себе покоя, добра и любви. Тысячелетние страдания убеждали сознание людей в формировании противоядия безрассудству – нового союза любви и разума, творящего добро. Добро и зло в разуме находят соприкосновение. Зло невозможно уничтожить, оно, как и добро, суть нашей души. Единственное, что можно сделать – повысить статус добра в сознании человека. Для сравнения деяний добра и зла у человека имеются весы – это его разум. Перенаправить усилия ума на добрые дела так же нелегко, как менять русло большой реки в глубоком каньоне. Все религии и этические учения пытаются решать именно эту задачу.

Но, этика по сей день не решается объявить о сущности души нечто подобное, что дарвинизм сказал про происхождение человека. Имам Х. Газали позволил себе писать о том, что ежедневное созерцание человеком результатов его жизнедеятельности убеждает его в совершении омовения пять раз в день. К деятельности души своей человек относится иначе. Он использует рассудок для маскировки нечистот своей души. Сам факт обнаружение их сознанием считается злом против этики. Не потому, что они противны, а для того, чтобы сохранить их при душе как тайное оружие.

Разве не очевидно, если запретить человеку трогать грязь руками, а душу умом, то останется он навеки немытым и грешным. Ни чувства-осведомители, ни душа-хранитель переживаний не могут быть надежным путеводителем. На эту роль может претендовать только трезвый разум.

Основная причина тому – слабость ума, которая наблюдается и в науках: в философии, в психологии. Бытие – одно, а противоречащих друг другу мнений о нем – много; ибо человек строит окружающий его мир по своему подобию. Поэтому у разных народов разные миры, в том числе, разные представления о самом человеке.

Индийская философия отличается глубиной и широтой охвата основной проблемы бытия человека: о его месте и роли в эволюции субстанции. Та деятельность, которая осуществляется человечеством в поиске правильного пути перемещения по ступенькам эволюции, означает только то, что разум стал доминирующей силой, определяющей пути усовершенствования субстанции. Ему предшествовала в этой роли душа, ее страсти и страхи предопределили пути совершенствования млекопитающих и приматов. Эта эстафета перешла душе от чувственного знания. Все три силы представляли собой информационную систему, многие навыки нужны животному в миг его рождения. Структура и масштабы этой системы таковы, что они формируются по божьему замыслу или по программе ДНК. В частности, способности ощущать, переживать и говорить человек получает при рождении и теряет после смерти. Следовательно, душа, как огромный арсенал знаний, обнаруживающаяся в теле человека и покидающая это тело, должна где-то формироваться и храниться до слияния с телом. Так рассуждал человек. Индусы считали, что души не возникают в ином мире и не исчезают. Они материализуются вновь и вновь. Эта была фантастическая догадка, подтвержденная генетикой через тысячелетия. Известно, что информационная спираль ДНК при определенной энергетической поддержке извне размножается, достраивается и превращается не просто в живой организм, а в поле (кшетра) битв.

В последней главе первой части романа «Воскресенье» Л.Толстой указывает на одну важную особенность души: «Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских...» [2], но одно и то же качество в разной степени проявляет себя в разных душах, определяя их индивидуальность. От особенности души зависит характер событий, происходящих в ней.

Каждая глава в «Бхагавад Гите» посвящена одному качеству внутреннего мира человека. Глава 13 [3] посвящена теме противостояния, главными действующими лицами которого являются само поле; противоборствующие на этом поле силы и судья поединка. В «Бхагавад Гите» названы имена всех объектов и явлений, участвующих в жестоком столкновении души и разума.

От правильного расчленения и разделения функций каждой службы внутреннего мира человека зависит успех исследования и истинность знания о данном предмете. Кроме трех форм знания: чувственного, душевного и мыслимого человек обладает еще двумя способностями: совершать движение различными частями тела и осознавать первые четыре способности и управлять ими централизованно.

При всей своей мудрости Сутры и Упанишады, по нашему мнению, не выделяют должным образом среди названных ими сил главную или их равнодействующую, которой предстоит умиротворить человека.

Это тема отдельного рассмотрения: о взаимоотношениях души и разума. Разум выявляет и выставляет истину. Он методично и согласно своей конституции и законодательству одно за другим предъявляет к явлениям душе свои требования. Работа у него такая. Разум способен только призвать душу к порядку. Разумеется, только обширная и прочная сеть знаний способна соединить и склеить, выравнивать и освободить от противоречий рассудок, много веков обслуживающий противоречивые интересы души. Разуму стыдно за свое детство, то есть, за рассудок, попраный страстями души. Душа, оказавшись под лучами разума, либо растает в межклеточном пространстве, либо укроется под панцирем, или сгорит вместе с телом и разумом. Это уже тема для отдельной статьи. Убедительным основанием для такой статьи является индийская философия. Ибо, отдавая дань успехам европейского рационализма, следует признать более объективное и глубокое понимания сути человеческой души в памятниках индийской культуры по сравнению с тем, что сделано в этой области в философии и теологии других народов.

Использованная литература:

1. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. С. 52-71.
2. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 11.: Воскресение. М.: Госиздат. Художественная литература, 1959. С. 206.
3. Бхагавад Гита. М.: РИПОЛ, 2009. 480 с.